УДК 821.161.1.94

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-90-96

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ С. Н. ДУРЫЛИНА: МОДЕРНИСТСКИЕ «СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» И СОВЕТСКИЙ КОНТЕКСТ

Коршунова Е. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть взаимовлияние модернистских «структур повседневности» Серебряного века и контекста советского времени на становление творческой манеры С. Н. Дурылина.

Процедура и методы. В статье рассматривается взаимовлияние «структур повседневности», повлиявших на становление С. Н. Дурылина как писателя: Серебряного века и официального дискурса советской эпохи. Специфику этого взаимовлияния отражает архетип «угла», отражённый в названиях главных книг С. Н. Дурылина: «В родном углу» и «В своём углу». Именно в пространстве «потаённой» прозы автор находит способ сохранения себя как самобытной личности. Внешней же формой примирения со советскими «структурами повседневности» была профессия театрального критика. В статье применяется метод сравнительного анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что С. Н. Дурылина как писателя сформировал символизм. Модернистские «структуры повседневности» заложили основы того миропонимания, которое впоследствии станет религиозным. Это миропонимание выражено в «потаённой» прозе, написанной в основном уже в «структурах повседневности» советского контекста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий по русской литературе первой половины XX в.

Ключевые слова: модернизм, Серебряный век, «структуры повседневности», архетип, бывание, бытие, личность

FEATURES OF THE FORMATION OF AESTHETIC VIEWS OF S. DURYLIN: MODERNIST «STRUCTURES OF EVERYDAY LIFE» AND THE SOVIET CONTEXT

E. Korshunova*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the mutual influence of the modernist "structures of everyday life" of the "silver age" and, on the other hand, the context of the Soviet era on the formation of the creative style of S. Durylin.

Methodology. The article examines the mutual influence of the "structures of everyday life" that influenced the formation of S. Durylin as a writer: the "silver age" and the official discourse of the Soviet era. The specifics of this mutual influence is reflected in the archetype of the "corner", reflected in the titles of the main S. Durylin's books: "In the native corner" and "In our corner". Within hidden prose, the author finds a way to preserve himself as an original person. The external form of reconciliation with the Soviet "structures of everyday life" was a theater critic's profession. The article uses the method of comparative analysis.

Results. The analysis showed that Durylin as a writer was formed by symbolism. The modernist "structures of everyday life" laid the foundations of the worldview that would later become religious.

Research implications. The article results can be used in the preparation of textbooks for the first half of the twentieth century.

Keywords: modernism, Silver Age, “structures of everyday life”, archetype, being, personality

Введение

Литературное наследие Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) – писателя, философа, театроведа, искусствоведа, археолога, богослова, педагога – на рубеже XX и XXI вв. оказывается в активном читательском и исследовательском поле зрения. Учёными восстанавливается контур личности и творчества писателя [4; 8; 10], публикуются его «потаённая» проза, теоретические работы [1; 2], эпистолярный, лирика – то главное, что даёт представление о целостном творческом портрете такой неординарной фигуры XX в., как С. Н. Дурылин.

Чтобы у исследователя творчества С. Н. Дурылина получился целостный творческий облик писателя, необходимо применить такую «оптику», которая позволит рассмотреть в процессе формирования картины мира писателя, поэтики его творчества взаимовлияние дурылинских «структур повседневности» – Серебряного века (раннее творчество) на фоне литературного творчества советского периода (хотя бы пунктирно).

Роль символизма в формировании «координат» «своего угла»

Под «структурами повседневности» мы вслед за Ф. Броделем и «школой анналов», И. А. Есауловым понимаем «такие формы обыденной жизни и явления культуры, которые характеризуют человеческую психологию и каждодневные практики в пределах „больших длительностей“. Речь идёт о различных типах ментальностей („картин мира“). Можно добавить, что эти структуры повседневности определяются тем или иным культурным бессознательным: зачастую не рационализируемыми самими носителями культуры типами мышления, которые порождают целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [3].

Как мы отмечали, «для творчества Дурылина структурообразующим становится архетип «угла». Он вынесен и в заголовки главных книг: «В своём углу» (1924–1941), «В родном углу» (1941–1954)» [3]. А. И. Резниченко отмечает: «...действие подавляющего большинства повестей и рассказов происходит в закрытом социокультурном и духовном пространстве („углу“). Видимое отсутствие сюжета (статичный сюжет) продиктован символическим содержанием прозы – плоскость действия разворачивается не в сфере „видимого бытия“, а в сфере „незримого“, „умопостигаемого“: области „брани духовной“ бесов и ангелов за душу человеческую» [5, с. 367]. Мифологема метафизического «угла» также отражает взаимопереплетение разных «структур повседневности»: на страницах «потаённой прозы» углов Дурылин освобождался от давления советских стандартов. Эти разные дискурсы зачастую встречаются в одном «углу», сливаются в единое неделимое существование, как будто не разделённое временем и пространством. «Данный архетип ярко отражает дурылинские “структуры повседневности”, где христианское, подлинное становилось утаённым. Показательно, что тетради углов не предполагалось публиковать. К этому присоединяется трагизм пастырского служения в советское время. Приступить к служению настоятелем церкви Воскресения Христова в Кадашах в 1922 г. С. Н. Дурылин не успел: за проповеди был арестован, осуждён и отправлен “как элемент политически безусловно вредный для советской власти” в ссылку в Челябинск (1922–1924), а спустя несколько лет на проживание – в Томск (1927–1930) и Киржач (1930–1933). Архетип “своего угла” формируется и вехах жизненного пути писателя. Обретение своей веры, подлинного су-

ществования как прорыв сквозь “структуры повседневности” Серебряного века и затем как попытка в “своём углу” сохранить себя как духовную личность» [3]. С. Н. Дурылин проходит традиционный для того времени путь юноши-интеллекта Серебряного века. До конца XX в. С. Н. Дурылин в советском и постсоветском культурном пространстве был известен как театровед и критик, хотя и сформировался как писатель в Серебряном веке и вошёл в литературу как «мусажетский юноша», впоследствии принявший священный сан. В данной работе более подробно осветим этот этап.

Именно в «Мусажете» формируются взгляды писателя на символизм и задачи литературного творчества в целом. Именно в «Антологии» Мусажета в 1911 г. были напечатаны первые стихи молодого С. Н. Дурылина, сонеты, посвящённые св. Франциску Ассизскому. А в 1913 г. в этом же издательстве вышли «Цветочки св. Франциска Ассизского» в переводе А. П. Печковского с предисловием С. Н. Дурылина. Есть у С. Н. Дурылина и другие работы, посвящённые «беднячку Христову», свидетельствующие о напряжённом внутреннем интересе писателя к этой фигуре, ставшей одной из мировоззренческих опор для молодого автора. Посещал он и кружок «Молодой Мусажет», формировавшийся вокруг Эллиса, с которым завязалась дружба, а потом и переписка. Там созрели замыслы статей о А. М. Добролюбове («Александр Добролюбов») и Ш. Бодлере («Бодлер в русском символизме»), которые написаны были позже, в 1926 г., и, увы, увидели свет только в 2014 г.¹ Однако как доклады они были прочитаны в ГАХНе в 1926 г. и таким образом вошли в научный оборот,

обсуждались и стали *фактом литературного процесса*, хотя и не были напечатаны. Статья же «Бодлэр и Лермонтов» (1910-1911), написанная под влиянием лекций Эллиса, и работа «Голубое без цветка» (1912) так и не увидели свет².

Таким образом, мы пунктирно обозначили те имена и фигуры, которые сыграли самую важную роль в формировании как мировоззрения писателя, так и его философии творчества: Р. Вагнер, Франциск Ассизский, Вл. С. Соловьёв, А. М. Добролюбов. Мы не зря объединяем эти два аспекта: становление взглядов на литературное творчество у Дурылина происходило неразрывно с личностным ростом и обретением основ его самостояния. Это в целом было свойственно Серебряному веку, где часто стирались границы между философией творчества или понимаемой в широком смысле эстетикой и литературным трудом. Более того, зачастую эстетика становилась темой повествования и сюжета. Это свойственно и Дурылину, который впервые пишет свою автобиографию и одновременно «путь к искусству», пользуясь «утробной» формой литературы – письмом, которое считал высшей формой творчества. Письмо было адресовано другу Эллису и написано не позднее 24 декабря 1910 г. Приведём те выдержки, которые можно считать описанием мировоззренческих вех и нащупыванием художественных ориентиров: «Летом 907 г. я засел за книги новых поэтов, читал Ницше. ... Но всё же я благодарен тюрьме: я там прочел впервые книгу Сабатье о Франциске Ассизском, производшую на меня огромное впечатление: я внёс поправку в своё мировоззрение – я сказал себе, что можно жить не только в себе, для себя, около себя, – но и во всём, в листике, Христе и султане Саладине; впрочем, я считал себя навсегда неспособным к последнему. ... В начале <1>908 г. в тюрьме я прочел „Пасхальные письма“ Вл. С. Соловьёва. Первое письмо – о Воскресении Христове – меня поразило.

¹ Статья С. Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме» была напечатана Г. В. Нефедьевым в изд.: Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / публ. и коммент. Г. В. Нефедьева // «Книгоиздательство «Мусажет»: История. Мифы. Результаты: исслед. и материалы. С. 261–328. Статья «Александр Добролюбов» опубликована А. И. Резниченко и Т. В. Резвых в упоминавшемся двухтомнике дурылинской прозы.

² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Это было забытое, столько лет не слышанное, невозможное „Христос Воскресе!“ моей сжавшейся от одиночества и тоски душе. И странно, что, не отвечая ещё сознанием, я уже ответил своим внутренним чувством сразу же: „Воистину Воскресе!“ Помню, как выпущенный из тюрьмы, я пришёл однажды к одному хорошему человеку, добросовестному атеисту, и сказал, давая ему кусочек статьи Мережковского о Воскресении, что если бы Христос воскрес, то всё бы посветлело для нас с ним. Я жадно читал Мережковского, перечитывал с новым чувством главу о старце Зосиме, читал Вл. Соловьёва; моё детство нахлынуло на меня; моя душа раскрылась для всего чудесного» [6, с. 152]. Из текста письма видно, что внутренний перелом после духовного кризиса 1906 г., обусловленного смертью лучшего друга, М. К. Языкова, новый этап личностного становления связаны с напряжённым интересом к наследию *Франциска Ассизского, Вл. С. Соловьёва, Д. С. Мережковского*. Таковы «внутренние» координаты С. Н. Дурылина на этом этапе. Начинается процесс формирования эстетических взглядов, интерес к символизму, понимаемому скорее не как строгое эстетическое явление, а как особое *миропонимание*. Символизм стал школой жизни, а не только этапом творческого пути. Он открыл и путь религиозного поиска, который завершился принятием в 1920 г. священства. Здесь нужно подробнее остановиться на фигуре А. Добролюбова.

В контексте статьи С. Н. Дурылина о А. М. Добролюбове [2] становится понятно, что А. М. Добролюбов становится для С. Н. Дурылина в каком-то смысле и учителем жизни. Избавившись от «искушений декадентского жития» (употребления восточных ядов, опиума, культа смерти в жизни и сознании, увлечения Каббалой), юный поэт уходит на Соловки в 1896–1897 гг. Совершился внутренний поворот от эстетического атеизма, который был присущ в определённой мере и юному С. Н. Дурылину (1905–1906), т. е. сферы небытия, к области бытия, к построению храма собственной души.

Этот переход отражён в прозаических отрывках А. М. Добролюбова «Образы». Писатель избирает для себя традиционный для Серебряного века путь ухода, становится странником. Годы тяжёлого труда, покаяния, странничества стали путём к Невидимому Граду. Поэтически это отобразилось в главном произведении – «Из Книги Невидимой», где и выражены задачи творчества поэта-мифомыслителя, ушедшего в народ.

Ориентируясь на опыт А. М. Добролюбова, С. Н. Дурылин и в своём жизненном пути реализует своеобразный вариант «ухода» – во «внутреннюю эмиграцию», реализованную не только опытом трёх ссылок, но и прорывом сквозь советские «структуры повседневности» к вечному времени культуры, в котором и живут обитатели «своего угла» и «родного угла». Прорывается С. Н. Дурылин, как и А. М. Добролюбов, «за толщу интеллигентской среды», ведь недаром его называли «большевским отшельником»: «Из всех „уходов“ русских „символистов“ – в религию Третьего Завета, в православие, в католичество, в гностику, в антропософию – его уход самый последовательный и дальний: он один прорвался не только сквозь толщу своего писательства, литературы, внешнего культурного быта, но и за толщу интеллигентской среды; и больше того: он прорвался за то средостение времени, за которое труднее всего прорваться: в каком времени живёт Добролюбов?» [2, с. 732]. Не отвечая на этот риторический вопрос, автор подразумевает выход за рамки телесной косности исторического «сегодня» к вечному времени Китежа. Это было идеалом и для Дурылина, ведь, будучи с 1933 г. театральным критиком, в Болшево, в своём собственном доме, он продолжал служить как священник и писать свою «потайную прозу».

Более того, это было идеалом и для многих других русских людей и писателей, «бегунство» и «уходы» которых С. Н. Дурылин описывает в этой статье. Это и «бегун» Эллис, и Д. С. Мережковский, и А. Белый, и З. Н. Гиппиус, и, конеч-

но, не забытый Л. Н. Толстой, о котором С. Н. Дурылин написал статью с символическим названием «Бегун»¹. Таким образом, это «русский национальный вариант» претворения «символистического движения», вариант реализации жизни в мифе. Дурылин приходит и к более широким обобщениям и рассматривает, объясняет этот вариант русского символизма национальной потребностью русских к достижению духовного идеала: «Бесконечное бегунство русского человека нашло в Добролюбове современный и близкий образ. Добролюбовым был вновь указан путь, давно любимым русским человеком – на всех ступенях его бытия, – и мудроно ли, что у него была сила влечь и увлекать?» [2, с. 734]. Именно поэтому С. Н. Дурылину было больше, чем творчество, интересно «житие» А. М. Добролюбова. С. Н. Дурылина, возможно, и оно также вывело на путь священства (наряду с посещениями Оптиной пустыни), но не только священства, а некоего пути «бегунства» от страшной партийной действительности путём своеобразного юродства. Оставшись советским театральным критиком, он продолжал писать «в стол» «потаённую» прозу и духовно окормлять интеллигенцию в Болшеве. «С 1934 г. он начинает вплотную заниматься театроведением и становится старшим научным сотрудником Музея Малого театра, часто печатается в одноимённой идеологической газете. С 1934 г. он член Союза советских писателей. С 1938 г. привлечён к работе в Лермонтовской и Толстовской группах ИМЛИ. Печатает статьи в журналах “Театр”, “Literatureinternational”, “Sovietland” и других, в сборниках “Горький и театр”, “Горе от ума» [3]. В каком-то смысле это своеобразная реализация добролюбовского пути в том числе, только освобождённого от идеалов символизма. О том, как происходил этот сокровенный духовный процесс, а с ним и освобождение от эстетических

идеалов Серебряного века, свидетельств пока нет. Вектор этого прорыва восстановим по высказываниям современников. Существует характерный поздний мемуарный отзыв на доклад С. Н. Дурылина о К. Н. Леонтьеве 1921 г. старого (ещё по «Мусагету») его знакомого Ф. А. Степуна: «Хорошо помню очень показательное по своей тенденции выступление одного из „мусагетских юношей“, Сергея Николаевича Дурылина, принявшего весьма для меня неожиданно священнический сан. Соловьёвской веры в возможность спасения мира христианством в докладе Дурылина не чувствовалось. Речь шла уже не о том, как обновлённым христианством спасти мир, а лишь о том, как бы древним христианством заслониться от мира» [7, с. 271–272].

Этим интересен «случай» С. Н. Дурылина.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что символизм сформировал С. Н. Дурылина как писателя и как мыслителя. Модернистские структуры повседневности заложили основы того миропонимания, которое впоследствии станет религиозным. Особенно в этом отношении был важен опыт А. М. Добролюбова, Вл. Соловьёва, Фр. Ассизского и др. «Бегунство» А. М. Добролюбова подсказало путь священства, которое позже стало тайным. Не зря мыслителя называли и «большевским отшельником»: он вёл в Болшеве достаточно замкнутую жизнь. «Не стремился к публичности. Был очень осторожен в отношениях с духовно не близкими личностями» [9, с. 300]. В метафизическом пространстве «потаённой прозы», созданной и в болшевский период, Дурылин достойно ограждал себя от сурового советского контекста современности, в котором вынужден был принимать также активное участие в амплуа театрального критика.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

¹ Дурылин С. Н. Бегун // Дурылин С. Н. Статьи о К. Д. Бальмонте и Л. Н. Толстом. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Н. А. Из комментаторских заметок. К публикациям статей С. Н. Дурылина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. С. 277–290.
2. Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х гг. / сост., вступ. ст., комм. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.
3. Есаулов И. А., Киселёва И. А., Сытина Ю. Н., Степанян Е. В., Коршунова Е. А., Михаленко Н. В., Певцов Г. Д., Гильманов В. Х. Структуры повседневности и творческий эксперимент в русской словесности, философии, культуре: V Балтийский международный семинар-дискуссия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 3. С. 2–3.
4. Захарова В. Т. Современное значение духовной прозы С. А. Нилуса и С. Н. Дурылина // Русская Православная Церковь и современное российское общество: XX Рождественские православно-философские чтения. 2011. С. 107–113.
5. Резниченко А. И. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк etdiiminores. М.: РЕГNUM, 2012. 415 с.
6. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1: Исследования / сост. А. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.
7. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Т. II. Нью-Йорк: Издательство им. А. П. Чехова, 1956. 432 с. С. 271–272.
8. Торопова В. Н. М. В. Нестеров и С. Н. Дурылин: К истории взаимоотношений // Щелыковские чтения–2018: А. Н. Островский и его наследие: судьба во времени: сборник научных статей и материалов / науч. ред., сост. И. А. Едошина. 2019. С. 291–329.
9. Торопова В. Н. Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014. 349 с.
10. Щепалина Е. А. «Евхаристический комплекс» в прозе С. Н. Дурылина: автореф. дис. канд. филол. наук, 2019. 18 с.

REFERENCES

1. Bogomolov N. A. [From the commentary notes. To the publications of S. Durylin]. In: *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2017, no. 4, pp. 277–290.
2. Durylin S. N. *Stat'i i issledovaniya 1900–1920-kh gg.* [Articles and research of the 1900–1920s.]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. 895 p.
3. Esaulov I. A., Kiseleva I.A., Sytina Yu.N. et al. The structures of everyday life and creative experiment in Russian literature, philosophy, culture: (V Baltic International Seminar-Discussion). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series Philological Sciences]. 2015, no. 3, pp. 2–3.
4. Zakharova V. T. [The modern meaning of the spiritual prose of S. Nilus and S. Durylin.] In: *Russkaya Pravoslavnaya T'Serkov' i sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: KHKH Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [The Russian Orthodox Church and modern Russian society: XX Christmas Orthodox-philosophical readings], 2011, pp. 107–113.
5. Reznichenko A. I. *O smyslakh imeen: Bulgakov, Losev, Florenskii, Frank etdiiminores* [On the meanings of the names: Bulgakov, Losev, Florensky, Frank etdiiminores]. Moscow, REGNUM Publ., 2012. 415 p.
6. *Sergei Durylin i ego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya. Kn. 1: Issledovaniya* [Sergey Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography. Book 1: Research]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010. 512 p.
7. Stepun F. A. *Byvshee i nesbyvsheesya. T. II.* [Past and unfulfilled. Vol. II]. New York, Publishing house im. A. P. Chekhov Publ., 1956, pp. 271–272.
8. Toropova V. N. [Nesterov and S. Durylin: To the history of relationships] In: *Shchelykovskie chteniya-2018: A. N. Ostrovskii i ego nasledie: sud'ba vo vremeni* [Shchelykovsky readings–2018: A. Ostrovsky and his legacy: fate in time], 2019. pp. 291–329.
9. Toropova V. N. *Sergei Durylin: Samostoyanie* [Sergey Durylin: Self-status]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 349 p.
10. Shchepalina E. A. «*Evkharisticheskii kompleks*» v proze S. N. Durylina: avtoref. dis. kand. filol. nauk ["The Eucharistic complex" in the prose of S. N. Durylin: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Samara, 2019. 18 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коришунова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, докторант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Korshunova – Cand. Sci. (Philology), Dr. Sci. degree-seeking candidate, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коршунова Е. А. Особенности формирования эстетических взглядов С. Н. Дурылина: модернистские «структуры повседневности» и советский контекст // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-90-96

FOR CITATION

Korshunova E. A. Features of the Formation of Aesthetic Views of S. Durylina: Modernist “Structures of Everyday Life” and the Soviet Context. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Russian Philology*, 2021, no 2, pp. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-90-96